
Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Жизнь перешла из mono в stereo...

Жизнь перешла из mono в stereo, –
прислушался и перестал спешить.
Год был богатым на потери,
но даже с ними оказалось можно жить.
Я был терпим к меня оклеветавшим,
доверчив был с лукавившими мне,
но, несмотря на это,
postproduction духовной жизни
утопил в вине.
Я находил все новые оттенки
эмоций, чувств. Так и не сбросил вес.
Мне стали меньше нравиться шатенки,
я даже начал обходиться без
них. Но если бы мне предложили
всё поменять, переписать, стереть...
Я б отказался.
Каждым сухожильем и каждым нервом
я тебя приемлю,
жестокий год, мне показавший смерть...
И даровавший под ногами землю.

Поколение двухтысячных

«Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели»

Семён Гудзенко

Мы живём как живём –
Нас когда-нибудь время рассудит.
Мы всего лишь жнивье
От покоса великих культур!
Нам устелют бельём из Китая
Помост в Голливуде,
И зароят живьём
Во флаконы духов от Кутюр.

Нас не нужно жалеть!
Развращенных, жестоких, пропащих.
Мы не помним отцов,
Мы без боя сдаём города.
Мы – звенящая медь,
Мы – кимвал над Москвою звучащий,
В наших легких кисель,
В наших венах седьмая вода.

Но не смей нас судить,
Ты, чьё детство прошло в СССРе!
И не смей нас учить,
Эмигрант из Нью-Йоркской глуши!
Вы не знаете нас,
Господа комсомольцы и сэры!
Вы не хуже чем мы
Выгрызали свои барыши.

Нам бы только успеть...
Хоть чего-то успеть в этом теле!
Нам бы только суметь
Отказаться от ложных свобод.
Нас не нужно жалеть –
Ведь и мы для себя не жалели
Ничего.

Поколение двухтысячных.
Дата и год.

Денег нет, но вы держитесь...

В эру дилетантов и фастфуда,
В той стране, где тишь да благодать,
В месяце нисан случилось чудо.
Чудо! – по-другому не сказать.
Было расчудесным чудо это –
Нет – не повторить его на бис –
Испарились деньги из бюджета –
Те, что для народа береглись.
Наяву ли это или в сказке?
Чудеса порой бывают злы:
Все на месте деньги Дерипаски,
Деньги Ротенбергов все целы.
Даже депутатовских кормушек
Кажется, минула хворь сия!
Но исчезли деньги для старушек –
Пенсии, короче говоря.
И никто бы не узнал о чуде,
Нечего тут даже и гадать –
Не реши Премьер поехать к людям,
И старушкам пенсии раздать.
Как монополист небесной манны,
С тайным ликованьем – что скрывать –
Он сказал: «Несите чемоданы –
Будем бабкам бабки раздавать».
Но ему взволновано и глухо
В этот расторжественный момент,
Молодой помощник вплюнул в ухо
Два коварных слова: «Денег нет...».
«Денег нет...» – поддакивали скалы...
«Денег нет...» – талдычил с ветки фрукт...
«Денег нет...» – сказал премьер устало...
И добавил: «Вы держитесь тут!»
А ему кричали вслед: «Покуда
С нами вы нам голод – не беда!»,
Но никто уже не верил в чудо,
А у нас без чуда – никуда.

Вот уже четверть века я живу здесь...

Вот уже четверть века я живу здесь, как будто в гостях...
Меня кто-то сюда пригласил, да вот кто – помню смутно...
Иногда я почти вспоминаю, и дрожью в костях
отзывается имя его и светлеет как будто.

Меня кто-то сюда пригласил, усадил за столом,
на котором на выбор лежали любые пороки.
Я до одури ел, я до одури пил, а потом...
А потом я не помню... смешались все даты и сроки.

Ну а пир продолжался! Жестокий бессмысленный пир,
на котором звучали похабные крики и тосты...
Я стоял в стороне, а густой человеческий жир
тёк рекой от хмельного стола до немого погоста.

Мне хотелось орать! Мне хотелось лупить по столу,
проклиная того, кто создал меня так неумело.

А потом я упал...

И увидел, как стол превратился в золу...
... и в лозу превратилось, меня отхаркнувшее тело.

Всё тебе не хватает чего-то...

Всё тебе не хватает чего-то,
всё меняешь за городом город.
И работа тебе – не работа,
да и повод, как будто не повод...
Эта женщина рядом с тобою –
есть красивее, кто бы спорил...
Да и то, что зовётся судьбою
лучше было бы встретить у моря.
И понять – нет любви безответной,
потому что любовь – есть служенье,
и что только движенье бессмертно,
потому что рождает движенье...
Оглянись на себя не во гневе –
в этом городе ты ещё не был.
И расти, как растут деревья:
одновременно в землю и в небо.

Рыбак надел сто баксов на крючок
и кинул в воду.
А под водою плавал дурачок –
искал свободу.
По небу проплывали облака –
им было не до,
тех рыбака, крючка и дурака:
им было в небо.
Прости меня за то, что вёл к реке,
не зная брода...
Рыбак сжимает удочку в руке
и смотрит в воду.
Нет радости ему от этих дел
не оттого ли,
что близко тот, кто ходит по воде,
как мы по полю.

Тело устанет маяться...

Тело устанет маяться –
время пойдёт назад.
Что от меня останется? –
звёзды, да листопад...
И перестав безумствовать,
буду до первых снегов
каждой прожилкой чувствовать
близость твоих шагов...
Нежно, по-детски неистово,
буду опять и опять
в скверах осенними листьями
ноги твои целовать...
Выйдешь однажды на улицу –
выплачешь невпопад
то, как тобой любуются
звёзды и листопад.

С искаженным лицом эпилептика...

С искаженным лицом эпилептика
Рвись, хватай путеводную нить...
Знаешь сотый закон диалектики?
Так о чём нам с тобой говорить?..

Много будет плохого-хорошего,
Иногда даже будет the best...
Эта жизнь – виртуальное крошево,
До секунды отмеренный квест.

У метро Академика Янгеля
Тусклым светом блют фонари...
Видишь по небу плавают ангелы? –
Нихрена ты не видишь – не ври.

Это облако в небе полощется...
Тот блажен, кто одет и обут.
Деревцо превращается в рощицу –
Её скоро под корень сведут.

В самокопаньи, друг мой, нет резона...

В самокопаньи, друг мой, нет резона –
не кисни и держи по ветру нос.
Вот девочка из города Херсона
тебя встречает – ты ей Кальвадос
привез. Не важно, что сулит та встреча
скорей всего – обиду и разлад.
А важно то, что обмануться нечем
хоть ты и сам обманываться рад.
И важно то, что наша жизнь – движенье,
и потому ты любишь поезда.
Не ей – другой ты сделал предложенье.
И та другая не сказала «да»...
А что потом? – да посмотри на небо:
кого туда ты заберешь с собой?
И согласись, – так глупо и нелепо
быть недовольным собственной судьбой.